

Косенков С С
Худ

1985

В мастерской художника

Белгород, 1985, 19 сент.
«Озерко» в Третьяковке

В мастерскую Станислава Степановича Косенкова журналист пришел сегодня по необыкновенно приятному поводу. Третьяковская галерея купила одну из работ белгородского художника.

...Станислав Степанович наливал крепкий чай, и мы беседуем о том, что же означает в судьбе художника столь лестное признание со стороны старейшей и знаменитой в мире картинной галереи.

Работы С. Косенкова есть в двадцати музеях страны. Брали их в свои собрания Петрозаводск, Семипалатинск, другие города. В Москве принял косенковские гравюры Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Но...

— Но Третьяковка — это совсем особое дело. Репин, Серов, Кустодиев — наше искусство питают эти корни. И, конечно, приятно оказаться под одной крышей с творениями этих великанов русской живописной школы.

Третьяковка взяла у Станислава Степановича скромный карандашный рисунок «Озерко», сделанный в 1981 году в древнем городе Хотмыжске. Белгородские ландшафты не

слишком балуют глаз разнообразием, говорит художник. «Они несколько монотонны. Но бывает, неожиданно обнаружишь совершенно чудесный уголок русской природы, как вот это озерко...».

Говорю Косенкову, что за пять лет учебы в Москве некоторые из моих однокурсников ни разу не побывали в Третьяковке — из-за какого-то глупого студенческого снобизма. Гораздо больше их манил тогда подвальчик на Малой Грузинской, звонкие имена «авангардистов». Серов, Врубель казались старыми знакомыми, что в них искать нового!

Станислав Степанович понимающе кивает:

— Конечно, «детская болезнь»... Легко любить ВИА, а не Бетховена: цветомузыка мигает, сияет, все так замечательно хорошо. Не всегда, правда, и с возрастом приходит понимание того, что новизна — в глубине, а не на поверхности...

Станислав Степанович вспоминает слова, сказанные Шалепиным. Задача искусства не в том, чтобы самому страдать, а в том, чтобы заставить переживать зрителя. Многие не должны коснуться того,

кто стоит перед завершенной картиной: мучительный творческий процесс, его «технология», часто изнурительная. Зритель вкушает спелый плод.

— Скажите, — вертится на языке вопрос, — вот вы сами говорили: иной раз не знаете, куда попали ваши работы. Нет в запасниках — и все. Какой судьбы вы хотели бы для них? Что может быть самым приятным для художника?

В глазах Косенкова нечаянно вспыхивает веселая искра:

— Самое приятное, чтобы картину купили. Или... украли!

...Времени у нас, увы, мало. Уже у дверей Косенков говорит:

— Понимаете, для меня важно, что вот именно этот рисунок — в Третьяковке.

— Уважаете карандаш?

— Очень. Видите ли, рисунок — это непосредственная мысль художника. В гравюре, эстампе, картине автор хочет выразить нечто большее, чем мысль. Что-то, выросшее из него и переросшее его самого. А рисунок... Вот мы сидели и разговаривали — почему я не рисовал? Надо было рисовать!

Н. КОЗЛОВА.